

**«ЖЕЛАЙ МНЕ ЗДРАВИА, КАЛМЫК!»
(ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ, МАТЕРИАЛЫ К КОММЕНТАРИЮ: Часть I)
“Wish me Health, Kalmyk!”
(The Issues of the Textual Aspect, the Materials to the Comments: Part I)**

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. (Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Manuscripts, Literature and Buddhist Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@elista.ru

В статье рассматриваются определенные текстологические аспекты реконструкций ранней (черновой) редакции послания А. С. Пушкина литературно-театральному обществу «Зеленая лампа» (начало 1820 — весна 1821 гг.), осуществленных С. М. Бонди и Б. В. Томашевским.

Предлагаемые историко-литературные комментарии позволяют уяснить некоторые особенности восприятия Пушкиным предшествующей поэтической традиции (И. И. Дмитриева).

Ключевые слова: Пушкин, литературно-театральное общество, послание, реконструкция, варианты, «Зеленая лампа», Калмык.

The article discusses some textual aspects of two reconstructions of the early (draft) editions of A.S. Pushkin's address to the Literature and Theater Society "Green Lamp" (dated back to the beginning of 1821 and no later than spring of 1822). The reconstructions have been subsequently undertaken by two Pushkin scholars — textual critics, by the editors of the Big and Small academic editions of the poet's heritage — S.M. Bondi (1931, 1935 — published in 1949) and B.V. Tomashevski (1949 — publication in 4 editions till the end of 1970s).

The comparative and contrastive research of the reconstructed texts allows us to reveal certain peculiarities in their compositional structure. The aim of the article is to identify in those structures the position of the formula "Wish me health, Kalmyk!" which is common and prevailing not only for the under consideration draft versions and the reconstructed on their basis texts, but also for the whole complex of texts dating back to the beginning of 1820s. The analysis permits to conclude that the given poetic formula is not one-verse but double-verse with the address 'Pour me the wine of comet' (the author of the article supports B.V. Tomashevski's interpretation of this line) and the well-known facetious imperative 'Wish me health, Kalmyk!' (written with the capital letter as stated by S.M. Bondi it is found twice in the draft versions of the early edition of the address). The conclusion drawn can be directly implemented in editing practice.

The given paper presents some historical and literary commentaries to the rhyme 'language – Kalmyk' inherited from the poet of the older generation I.I. Dmitriev (in the ode 'Patriot's Voice at Seizure of Warsaw' – 1794) which was reconsidered by Pushkin repeatedly.

So, the article considers some issues of Pushkin's texts and provides some commentaries to the reconstructed Pushkin's texts of the early edition of the address to 'Green Lamp'.

Keywords: Pushkin, Literature and Theater Society, address, reconstruction, versions, "Green Lamp", Kalmyk.

В настоящей работе рассматриваются реконструкции комплекса черновых записей вариантов и фрагментов стихотворных текстов А. С. Пушкина со сквозной формулой «Желай мне здравия, Калмык!» Цель статьи — в сопоставлении осуществленных С. М. Бонди и Б. В. Томашевским реконструкций уяснить композиционное значе-

ние данной формулы как не только завершающей самостоятельное четверостишие, скрепляющей черновые наброски и фрагменты, но и связанной с неким, безусловно, объединяющим их творческим замыслом.

Этот замысел обрел художественное воплощение в широко известном послании к литературно-театральному обществу «Зеле-

ная лампа»¹ из письма к его председателю, Я. Н. Толстому, от 26 сентября 1822 г. (II, 34)². Тем не менее, оставшиеся в рабочих тетрадах поэта³ черновые варианты⁴ издавна привлекали и продолжают привлекать к себе внимание пушкинистов — исследователей и текстологов. С начала 1930-х г. отечественное пушкиноведение было мобилизовано для решения главнейшей в текстолого-эдиционной практике своего времени задачи — подготовки так называемого Большого академического, «полного научно-критического издания сочинений Пушкина» (I, X), что потребовало скрупулезного изучения и расшифровки рукописей. Здесь уместно обратиться к хронологии важных для нашей темы событий в пушкиноведении 1930–1940-х гг., хотя хронологическая последовательность прочтения (расшифровки) интересующих нас черновых записей не определяет их связь.

В записной книжке ПД 830 (л. 61 об.) находятся черновые строки и фрагменты, посвященные великой русской трагической актрисе Е. С. Семеновой (1786, с 1828 кнг. Гагарина — 1849) и написанные, вероятно, в связи с дошедшим до Пушкина в кишиневской ссылке слухе о ее (временном) уходе с сцены. «Этот сложный черновик в 1931 г. блестяще прочел С. М. Бонди» [Фомичев 2003: 52], обосновав свое прочтение [Бонди 1931: 34–46], а в 1949 г. опубликовал фрагмент из 18 строк в разделе «Стихотворения 1821» (приблизительно датировав его мартом 1821 г.):

¹ Его деятельность датируется примерно с 20 марта 1819 г. до конца 1820 г. [Томашевский 1956: 206]. Общество прекратило существование в связи с самороспуском декабристского Союза благоденствия, легальным филиалом которого оно являлось.

² Тексты Пушкина далее всюду приводятся с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по юбилейному репринтному воспроизведению Большого академического издания в 19 т. [Пушкин 1994–1997].

Датировки упоминаемых в статье событий и сведения о лицах сверены по справочным изданиям: [Летопись 1999; Черейский 1988; Декабристы 1988] — и, кроме некоторых случаев, специально не оговариваются.

³ Их современные шифры: тетрадь ПД 830 — записная книжка; ПД 831 — Первая Кишиневская.

⁴ Датируются в вероятных пределах: конец января 1821 г. [Фомичев 2003: 44] — после 24 августа 1821 г. до 31 марта 1822 г. [Фомичев 2003: 53].

**Всё так же <ль> осеняют своды
[Сей храм] [Парнасских] трех царик?
Всё те же ль клики юных жриц?
Всё те же <ль> вьются хороводы?..
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музы?
Ужель, навек оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы,
И славы русской луч угас?
(10) Не верю! вновь она восстанет.
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго не <увянет>
Ее торжественный венец.
И для нее любовник <?> славы,
Наперсник важных Аонид <?>,
Младой Катенин воскресит
Эхила гений величавый
И ей [порфиру] возвратит⁵.**

(II, 157; варианты чернового автографа — II, 594; справка публикатора — II, 1037).

Признавая содержательную и жанрово-стилистическую связь данного фрагмента с черновиками послания к «Зеленой лампе» (содружеству записных, влиятельных театралов), в статье 1935 г., представляющей обоснование, пояснения и собственно реконструкцию его «первоначальной редакции», С. М. Бонди заметил: «Может быть, в состав его входил и отрывок о Семеновой. Трудно только найти точное место в «послании», где должен был находиться этот несколько обособленный эпизод» [Бонди 1935: 50; цит по: Бонди 1971: 106]. Мы привели «отрывок о Семеновой» (условно обозначим его I – РБ), поскольку для него, в той или иной интерпретации, все-таки «нашли место» авторы двух последующих реконструкций.

Расшифрованный в 1935 г. текст был опубликован С. М. Бонди в 1949 г. в разделе *Б. вариантов пушкинского послания к «Зеленой лампе» <из письма к Я. Н. Толстому> под редакторским заголовком <Предположительная реконструкция первоначальной редакции послания>*:

**до меня доходит
И [милый] звук знакомых струн
Печаль на душу мне наводит.**

⁵ В Большом академическом издании приняты «скобки прямые [], заключающие в себе слова, зачеркнутые Пушкиным, и угловые <>, куда заключаются все дополнения, делаемые редактором» (I, XIII), т.е. дополнения или обоснованные конъектуры редактора (публикатора).

- Непримиримую Судьбою
 Певцы давно разлучены
 Их лиры ветреной игрою
 Неславят счастья чередою
 Сердца тоской омрачены.
 [Молчат пиры], утихли смехи,
 (10) Утих безумья вольный глас,
 Любовницы забыли нас,
 И разлетелися утехи.
 В изгнании скучном каждый час
 Горя завистливым желаньем,
 Я к вам лечу воспоминаньем
 Воображаю, вижу вас.
 Горишь ли ты лампада наша,
 Подруга бдений и пиров?
 Кипишь ли ты, золотая чаша,
 (20) В руках веселых остряков?
 Всё те же ль вы, друзья веселья,
 Друзья Киприды и стихов?
 Часы любви, часы похмелья
 Попрежнему ль бегут на зов
 Свободы, лени и безделья?

- Вот он, приют гостеприимный,
 Приют любви и вольных муз,
 Где с ними клятвою взаимной
 Скрепили вечный мы союз,
 (30) Где дружбы знали мы блаженство,
 Где в колпаке за круглый стол
 Садилось милое равенство,
 Где своенравный произвол
 Менял бутылки, разговоры,
 Рассказы, песни шалуна,
 И разгорались наши споры
 От искр и шуток и вина.
 Разлуки долгой и тяжелой
 Забыта хладная печаль,
 (40) Ты здесь, Амфитрион веселый,
 Счастливец добрый, умный враль.
 Бывалой <дружбой> пламенея
 Благослови же мой возврат,
 Но где же он, твой милый брат,
 Недавний рекрут Гименея?
 Вы оба в прежни времена
 В ночных беседах пировали
 И сладкой лестью баловали
 Певца свободы и вина.
 (50) Приди, прелестный Адонис,
 Жилец Пафоса и Киферы,
 Любимец ветреных Лаис,
 Счастливый баловень Венеры.
 И ты, о гражданин кулис,
 Театра злой летописатель,
 Очаровательниц актрис
 Непостоянный обожатель.

- И я любил их остроту,
 Веселость, ум и разговоры,
 (60) Любил улыбку, нежны взоры,
 Но оскорбил я красоту,
 Когда она блистала славой
 В венце любви, в дыму кадил, —
 В досаде, может быть, неправой,
 Я свистом гимны заглушил.
 Погибни мести миг единый,
 И дерзкой лиры ложный звук!
 Она виновна, милый друг,
 Пред Мельпоменой и Мойной...

- (70) Услышу ль я, мои поэты,
 Богов торжественный язык?
 Налейте мне вина кометы,
 Желай мне здравия Калмык!

В кругу семей, в пирах счастливых
 Я гость печальный и чужой
 Вдали друзей вольнолюбивых,
 Теснимый хладною толпой.
 Певец любви, опальный странник,
 Забыв и лиру и покой,

- (80) Лечу за милою мечтой
 Где ж отдохну, младой изгнанник,
 Забуду горечь и любовь
 И сердца пыл неосторожный,
 Забуду посох свой дорожный
 И равнодушен буду вновь?..

А вы, товарищи молодые,
 Друзья, готовьте шумный пир,
 Готовьте чаши круговые,
 Венки цветов и гимны лир. (II,
 720–722; все варианты – II, 715–723;
 справка публикатора – II, 1063–1064)

С. М. Бонди отметил: «<...> в нашей реконструкции (далеко не полной) 88 стихов», — и предположил: «всего, вероятно, их было или должно было быть до сотни» [Бонди 1971: 108]. Насчитав вместе с первой (половинной) 89 стихотворных строк, примем их за исходный текст и условно обозначим его I – РБ (что вместе с I¹ – РБ составляет 107 строк).

В том же 1949 г. при подготовке Мало-го академического десятилетия Б. В. Томашевский «уточнил в нем реконструкцию С. М. Бонди, не приняв предложенного им заглавия, но напечатав стихотворение «В кругу семей, в пирах счастливых» в основном корпусе текстов среди произведений 1821 г., а не в отделе «Другие редакции», который имелся в данном издании» [Фомичев 2003: 49]. Приведем и этот текст:

- В кругу семей, в пирах счастливых
 Я гость унылый и чужой,
 Вдали друзей вольнолюбивых
 Теснимый хладною толпой.
 Певец любви, печальный странник,
 Забыв и лиру и покой,
 Лечу за милою мечтой,
 Где ж отдохну, молодой изгнанник,
 Забуду горесть и любовь,
- (10) Меня покинет призрак ложный
 И сердца пыл неосторожный,
 Заброшу посох свой дорожный
 И равнодушен буду вновь?..
 А вы, товарищи молодые,
 Друзья, готовьте шумный пир,
 Готовьте чаши круговые,
 Венки цветов и гимны лир.

 до меня доходят,
 И звуки мне знакомых струн
- (20) Печаль на душу мне наводят.
 Непримиримою судьбою
 Певцы давно разлучены...
 Их лиры ветреной игрою
 Не славят счастья чередою,
 Умы тоской омрачены!
 Младых пиров утихли смехи,
 Утих безумства вольный глас,
 Любовницы забыли нас,
 И разлетелися утехи.
- (30) В изгнанье скучном, каждый час
 Горя завистливым желаньем,
 Я к вам лечу воспоминаньем,
 Воображаю, вижу вас:
 Горишь ли ты, лампада наша,
 Подруга бдений и пиров?
 Кипишь ли ты, золотая чаша,
 В руках веселых остряков?
 Где ты, приют гостеприимный,
 Приют любви и вольных муз,
- (40) Где с ними клятвою взаимной
 Скрепили вечный мы союз,
 Где дружбы знали мы блаженство,
 Где в колпаке за круглый стол
 Садилось милое равенство,
 Где своенравный произвол
 Менял бутылки, разговоры,
 Рассказы, песни шалуна,
 И разгорались наши споры
 Огнем и шуток и вина?
- (50) Услышу ль я, мои поэты,
 Богов торжественный язык?
 Налей же мне *вина кометы*¹,
- Желай мне здравия, калмык.
 Разлуки долгой и тяжелой
 Забыта хладная печаль;
 Ты здесь, Амфитрион веселый,
 Счастливец добрый, умный враль!..
 Бывалой дружбой пламенея,
 Благослови же мой возврат.
- (60) Но где же он, твой милый брат,
 Недавний рекрут Гименея?
 Вы оба в прежни времена
 В ночных беседах пировали
 И сладкой лестью баловали
 Певца свободы и вина.
 Приди, прелестный Адонис,
 Улан Пафоса и Киферы,
 Любимец ветреных Лаис,
 Счастливый баловень Венеры.
- (70) И ты, о гражданин кулис,
 Театра злой летописатель,
 Очаровательниц актрис
 Непостоянный обожатель.
 И я любил их остроту,
 Веселость, ум и разговоры,
 Любил улыбку, речи, взоры;
 Но оскорбил я красоту:
 Когда она блистала славой
 В дыму пылающих кадил,
- (80) В досаде, может быть, неправой,
 Хвалы я свистом заглушил.
 Погибни, мести миг единый
 И дерзкой лиры ложный звук,
 Она виновна, милый друг,
 Пред Мельпоменой и Моиндой.
 Вот храм парнасских трех царик
 Всё так же осеняют своды;
 Всё те же крики юных жриц,
 Всё те же вьются хороводы.
- (90) Ужель умолк волшебный глас
 Семеновой, сей чудной музыки,
 Ужель навек, оставя нас,
 Она расторгла с Фебом узы,
 И славы русской луч угас!
 Не верю, вновь она восстанет,
 Ей вновь готова дань сердец,
 Пред нами долго не увянет
 Ее торжественный венец,
 И для нее любовник славы,
- (100) Наперсник важных аонид,
 Младой Катенин воскресит
 Софокла гений величавый
 И ей порфиру возвратит. [Пушкин
 1977: 28–30]

¹ “У Пушкина курсив подчеркивает цитатный и терминологический характер <...> выражения” [Лотман 1980: 135]

При переиздании работы 1935 г. «Неосуществленное послание Пушкина к “Зеленой лампе”» в сборнике своих статей 1971 г. С. М. Бонди в примечании коснулся

вопроса о данной публикации: «Во втором и третьем издании десятитомного малого академического издания сочинений Пушкина Б. Томашевский предложил другую реконструкцию этого стихотворения. Я не могу с ней согласиться» [Бонди 1971: 105]¹. По существу, реконструированный текст был опубликован как стихотворение в окончательной редакции — то есть как текст, в котором явлена пушкинская художественная воля. Справедливо назвав подобное решение «беспрецедентным», С. А. Фомичев привел иной довод для своей оценки: «ведь под 1822 г. здесь напечатан и отрывок “Из письма к Я. Н. Толстому”» [Фомичев 2003: 49].

Условно обозначим текст Б. В. Томашевского как П—РТ, не вдаваясь в подробности его очевидных различий с I—РБ и I'—РБ (“отрывок о Семеновой” в П—РТ оказался присоединенным как завершающий реконструкцию фрагмент). Отметим здесь лишь существенные для нашего рассмотрения решения: 1) прочтение строки, широко известной по редакции “Из письма к Я. Н. Толстому”: “Налейте мне *вина кометы*”, — как прямое обращение к персонажу, названному в следующей строке. Таким образом, этому персонажу адресовано не одностишие, но уже двустышие:

**Налей же мне *вина кометы*,
Желай мне здравия, калмык;**

2) все «пиршественное» четверостишие с этим обращением не было выделено как самостоятельное, но оказалось встроенным в сплошной текст П—РТ (ст. 50–53).

Стоит, однако, подчеркнуть: рифму «язык—калмык», найденную И. И. Дмитриевым, поэтом предыдущего поколения, Пушкин впервые опробовал в черновиках послания к «Зеленой лампе», а не в итоговом «Памятнике», где, по наблюдению Г. П. Макогоненко, автор «сохранил дмитриевскую рифму» [Макогоненко 1967: 48].

Ода И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794) завершается каноническим обращением к монарху (Екатерине II):

Речешь — и двинется полсвета,
Различный образ и язык:
Тавридец, читатель Магомета,
Поклонник идолов калмык,

¹ До 1971 г. этот десятитомник издавался в 1949, 1956 и 1966 г. Речь идет о Т. II. Стихотворения 1820–1826.

Башкирец с меткими стрелами,
С булатной саблею черкес
Ударят с шумом вслед за нами
И прах поднимут до небес!
Твой росс весь мир дрожать заставит, —
Наполнит громом чудных дел
И там столпы свои поставит,
Где свету целому предел.
[Дмитриев 1967: 74; коммент.:
Макогоненко 1967: 422]

По выходе в свет ода И. И. Дмитриева сразу стала популярным, затем — хрестоматийным произведением, открывая основные прижизненные издания автора. Знакомая еще с лицейских лет, она находилась в библиотеке Пушкина — по каталогу Б. Л. Модзалевского, под №№ 126, 127 [Модзалевский 1910, репринт. переизд. 1988: 35–36]. Вспомнив удачную дмитриевскую рифму, Пушкин воспользовался ею, набрасывая черновики в записной книжке. Но время усвоения русского поэтического наследия для него миновало, пришла пора освоения и переосмысления опыта предшественников.

В поэтическом словаре дмитриевской эпохи «язык» означало: народ — носитель языка (ср: «Нашествие двенадцати язык» — об Отечественной войне 1812 года), в данной оде: народ в составе Российской империи; «калмык» означало: иноверец («поклонник идолов»), вообще некое этнографическое понятие. В пушкинских же вариантах строк о калмыке «язык», в зависимости от контекста, означает высокую поэтическую речь («Богов торжественный язык» — в I—РБ, П—РТ) или кружковой язык с «домашней семантикой» («очарованный язык» — в послании из письма к Я. Н. Толстому (коммент. см: [Кичикова 2001: 75–76]). Слово «калмык» становится многозначным — это и конкретный калмык по имени Всеволод в услужении у Н. В. Всеволожского, и символическое олицетворение «Зеленой лампы» как дружеского союза, «милого равенства» — это пароль его «очарованного языка» [Кичикова 2001: 75–76; Кичикова 2009: 46].

Вскоре та же рифма вспомнится Пушкину в работе над прологом поэмы «Братья разбойники» (1821–1822), и уже много спустя, на излете жизни, зазвучит в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (лето 1836).

Источники

Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. *Г. П. Макогоненко*. Л.: Сов. писатель, 1967 (Большая серия «Библиотеки поэта». Изд. 2). 504 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Т. I, 1994: Лицейские стихотворения. XV+438 с.; Т. II (1, 2), 1994: Стихотворения 1817–1825. 1206 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. 4. Л.: Наука, 1977. Т. II. Стихотворения 1820–1826. 400 с.

Литература

Бонди С. М. Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1935. [Т.] 1. С. 33–52; переизд.: *Бонди С. М.* Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1971. С. 91–108.

Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма. М.: Мир, 1931. 208 с. С. 34–46.

Декабристы. Биографический справочник / подг. С. В. Мироненко / ред. акад. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1988. 448 с.

Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А. С. Пушкина начала 1820-х гг.) // Теегин герл (Свет в степи), 2001. № 8. С. 41–80.

Кичикова Б. А. Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009, № 1. С. 42–50.

Летопись жизни и творчества Александра Пушкина / сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. Науч. ред. Я. Л. Левкович. В 4 т. М.: Слово / Slovo, 1999. Т. 1. 1799–1824. 591 с.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.

Макогоненко Г. П. «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подг. текста и примеч. *Г. П. Макогоненко*. Л.: Сов. писатель, 1967. (Большая серия «Библиотеки поэта» Изд. 2). С. 5–68.

Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1910; репринт. переизд. — 1988. XIX+442 с.; *Модзалевский Л. Б.* Библиотека Пушкина. Новые материалы. Приложение к репринт. изд. М.: Книга, 1988. 116 с.

Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1813–1824). М.; Л.: АН СССР, 1956. 743 с.

Фомичев С. А. Записная книжка Пушкина ПД 830 (История заполнения: л. 43–66 об. / Приложение. Анализ автографов «<Послания к «Зеленой лампе»>») // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. Сб. науч. трудов. СПб.: Наука, 2003. С. 43–56.

Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.